

Андрей Кивинов

Боль. Нестерпимая боль

Андрей Владимирович Кивинов
Боль. Нестерпимая боль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133490

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Кивинов

Боль. Нестерпимая боль

«Мама, мы все тяжело больны.

Мама, я знаю, мы все сошли с ума...»

Виктор Цой

Пролог

Боль. Нестерпимая боль. Такое уже было однажды, когда он тонул. Солнце в глаза и бесконечное море. Тоща боль была в мыслях, потому что ему показалось, что всё, это конец, конец всему. Сейчас снова солнце в глаза, но нет моря, а боль охватила всё тело, голову, руки. И мысли. И снова, как тогда, хотелось закрыть глаза и проснуться. Закричать:

«Нет! Это всё не со мной! Я же сплю! Сейчас проснусь и ничего этого не будет! Нет, я не хочу!»

Почему я?! За что? Почему солнце темнеет? Затмение? Ночь? Как же это всё получилось? Люди, сделайте же что-нибудь! Помогите! Игорёк, Аннушка, где вы?

Почему туман? Я не хочу туда! Нет! Вспышка... Не в глазах, в висках! Боже, какая боль... Я улетаю, где я, где руки, где всё? Я хочу проснуться, хочу!

Помогите! Умоляю, умоляю...»

Через секунду хрипы стихли.

– Готов, – произнёс один, ослабляя удавку на шее водителя. – Давай на заднее сидение, живо! Ключ из руки забери. Да не сажай ты его, брось! Прыгай быстрее, я завожу.

– Куда? Там пост ГАИ, давай в объезд!

– Ерунда, проскочим. Накрой его чем-нибудь. У меня в сумке бутылка, влей ему на всякий случай. Да не трясись. Всё нормалёк.

– Не трясусь я, сам орёшь со страху.

– Всё, засохни.

Машина вырулила на областную трассу и понеслась прочь от города.

Близился тёплый ленинградский вечер.

Часть первая

Глава 1

Рабочий день уже почти закончился. Оперсостав 85-го отделения милиции заперся в кабинете инспектора Кивинова и травил байки из собственной практики.

– Это, конечно, круто, но у меня получше хохма была. Шнифта помните, ну, Соколова? – обратился к остальным молодой оперативник Петров. – Так он жёнку свою попугать решил, жутко ревнивая она у него была. Достал верёвочку, в сортире к трубе привязал, а сам на унитаза и давай висельника изображать. А квартира-то коммунальная, первым сосед домой вернулся. Зашёл по малой нужде, а там Шнифт в петле качается. Сосед, конечно, «скорую», милицию, а потом снова к Шнифту и давай по карманам бегать. Деньги выгреб, ещё там что-то.

Потом часы стал сдирать. Ну, тут Шнифт не выдержал, возмутился. «Совість поимей, – говорит, – часы-то Ленка подарила, убьёт ведь, скажет – пропил».

Сосед варежку раскрыл да на пол в галюне и рухнул. Соколов из петли вылез, мужика откачивать начал. Тут «скорая» как раз, соседу укол сделали и с собой увезли. «Повезло, – говорят Шнифту, – что вы дома оказались, ещё б немно-

го и задохнулся бы. Не знаете, зачем в петлю-то он полез?»

Сидящие в кабинете дружно загоготали. Кивинов поднялся с дивана и открыл окно.

– Ну и жарища – начало июня, а печёт, как в Африке, хоть бы дождь прошёл, что ли.

– Это точно. У меня уже полчаса кабинет от потерпевших проветривается, – согласился опер Дукалис. – Сейчас бы на озерко закатиться, покупаться, шашлычков пожрать.

– А заодно и девочек с шампанским. Если уж мечтать, так ни в чём себе не отказывать.

– Сейчас нам Соловец устроит шашлычки с девочками. Он с очередного разгона в Главке вот-вот вернуться должен.

Как бы в подтверждение сказанного дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник начальник уголовного розыска Соловец.

– Что расселись? – недовольно произнёс он. – Заняться нечем? Ещё час работать, а ну по местам! Андрей Васильевич, зайди ко мне.

Кивинов переглянулся с Дукалисом – «Что я говорил?»

– Слушай, – сказал Соловец, когда Кивинов сел перед ним, – сегодня мне опер из детской тюрьмы звонил, с Лебедева. Ты, кажется, Васильевым занимался?

– Было дело, мой клиент. Он за стёкла лобовые арестован.

– Да, да, я помню. Он следователя требует, что-то там рассказать хочет, может, ещё эпизоды. Он сначала сюда позвонил, но вот следователю лишние эпизоды не нужны, а нам бы

сейчас очень не помешали. Поэтому завтра едь на Лебедева, побеседуй с Васильевым, тем более, что это твой знакомый. Можешь прямо из дома.

– Ладно, мне не жалко. Его вообще-то зря закрыли, могли бы на подписке оставить, он хоть и вор, да какой-то безобидный.

– Давай, отзовонись мне оттуда.

«Решётки, решёточки, тёмные ночи, я люблю вас, решёточки, очень...» – насвистывал Кивинов, шагая длинными коридорами детской тюрьмы. Каждый шаг отдавался звоном – пол был покрыт тонкими металлическими пластинами на случай побега какого-нибудь узника.

Стенки, двери, камеры, контролёры. Оружие есть? Нет. Разрешение? Кто у вас? Васильев? Подождите. Жду.

Кивинов остался в следственном кабинете. За окном маленький дворик с елями, пара лозунгов на кумаче. За стеной – перестук пинг-понга – возможно, единственного официально разрешённого развлечения для малолеток, не считая газет. Лязгнул замок, контролёр ввёл паренька лет пятнадцати.

– Привет, Юра, – поздоровался Кивинов. – Садись.

– Я и так сижу.

– Ты пока не сидишь, а находишься под следствием. Сядешь после суда.

– А может, условно?

– Может, но скорее всего, сядешь. Из тюрьмы в девяно-

ста процентах – путь на зону, и лишь в десяти – всякие там условности и прочее. Я тебе сразу об этом говорю, чтоб ты не мучался. Как говорят японцы, самая страшная пытка надеждой. Поверь, если ты на лучшее надеешься, а получишь срок – это сломать может. А так перетерпишь.

– Да я и так уже сломанный.

– Это только кажется. Но давай по существу, я ведь не успокаивать приехал, а по твоей просьбе, и времени у меня мало.

Васильев замаялся, посмотрел в окно.

– А это правда, – спросил он, – что если я милиции помогу, на суде зачтётся?

– Смотря чем поможешь. Если по своему делу – может быть. А остальное – вряд ли, судье это до лампочки.

– А если не по делу, то хоть в камеру другую пересесть можно будет?

– Что, в своей не сладко? Думаешь, в других лучше?

Неожиданно Васильев заплакал.

– Ты что? – удивился Кивинов. Юрка расстегнул рубашку.

– Смотрите, прописку устроили на транзите.

Грудь Васильева представляла собой один огромный синяк.

– Ого, круто, чем это тебя так?

– Кулаком. Двое держали, третий удары отрабатывал, потом менялись. И в камере не лучше. Все старше меня попались. По утрам раком ставят и по шее бьют. Называется «че-

репашку кормить». Потом шею не повернуть. И весь день мытарят, то носки постирай во рту, то парашу вылижи языком. Не могу больше. Переведите куда-нибудь.

Кивинов достал сигареты. То, что в детских тюрьмах предела больше, чем в знаменитых Крестах, он хорошо знал. Малолетки жестоки и завоевать авторитет, в отличие от взрослых, стремятся, в основном, кулаком.

– А на «глазок» поставят, так ещё и от цириков достанется – дубинками по рёбрам. Не будешь в глазок смотреть – в камере избыют, помотришь – снаружи отлупят. Помогите, а?

Васильев вытер нос рукавом.

– Чем же я тебе помогу, не я ж тебя стёкла заставлял вынимать?

– Ну, хоть поговорите, чтобы перевели. Я выйду – помогу.

– Извини, Юра, но я тебя что-то не понимаю. Ты что, меня сюда только за этим вызвал? Тебе, конечно, здесь туго, и поговорить с операми я могу, но есть же куча начальников в тюрьме, это их работа за твоим содержанием следить. Ты к ним обращался?

– Чтобы меня вообще убили? Я ещё не совсем чокнутый.

– А что касается твоей помощи потом, то извини, таких обещаний я столько наслушался – уши болят. Дорого яичко в Христов день. Если есть что для нас интересное – выкладывай, а в авансы я не верю.

– А про что рассказать?

– Меня всё интересует, не только стёкла лобовые. Кражи, наркота, угоны, короче, всё, и желательнее поконкретнее Юрка вытер слезы.

– Я многого-то и не знаю. Наркотой на Ветеранов торгуют в переходе метро, по карманам бегают на рынке.

– Ну ты молодец! Да наркотой сейчас на всех углах торгуют. Ты бы ещё рассказал, что там колпачки крутят, а то вдруг мы не знаем. Нет, парень, так не пойдёт. Я что, три часа на дорогу потратил, чтобы узнать про наркоту на Ветеранов? Хватит слюни пускать, иди в камеру, честно говоря, мне уже скучновато становится.

– Нет, нет, ну подождите хоть немного, я не хочу в камеру, пожалуйста.

Кивинов снова присел на свой стул.

– Юра, я никогда не поверю, что ты ничего не знаешь. И кажется, я догадываюсь, почему ты меньшеешься. Тебе, конечно, тут плохо, но вытерпеть можно, а вот на воле длинный язык отрезают. После отсидки жизнь-то не кончается, а как тебя там встретят после того, как ты кого-то заложишь, это вопрос. Ну, ты шибко не переживай. Всё, что ты мне расскажешь, я использую так, что на тебя никто никогда и не подумает даже.

– Да плевать мне на это. Мне сейчас здесь выжить надо. У нас уже двое повесились. А когда выйду, разберусь. Но я, правда, пока ничего не знаю.

Кивинов снова встал.

– Стойте! – вдруг заорал Васильев и громко рассмеялся. – Вспомнил, вспомнил! Был случай один.

«Да, круто тут его задавили то плачет, то смеётся. Точно говорит, ему бы сейчас выжить, а на последствия плевать – вломит кого угодно, хоть мать родную, да ещё смеясь. Исправительно-трудовая система. Из любого человека тряпку сделают, не то что из Васильева».

– Ну, давай, послушаем.

– Сейчас, сейчас, когда же это было? Кажется, месяца два назад. Я на рынке возле метро «Проспект Ветеранов» крутился. Сошёлся с командой одной – они в колпачки играли. Свердловские. Приедут в Питер, поработают и в другой город. Потом снова сюда. Многие на игле. А вообще, их человек семь. Там рыжий один такой, Максом звать, вернее Максимумом, но все его Максом звали. Я как-то с ним ширево искал, его ломало, он попросил помочь достать за бабки. А у меня были связи кое-какие, помог. Скореефанились, одним словом. Я несколько раз потом для него доставал. Однажды, когда он под дозой был, наплёл мне про каких-то крутых ребят, про гаражи. Они якобы водителей на трассе убивают, а машины продают. Ловят на трассе тачку получше, якобы доехать, потом удавку на шею и каюк. Где-то у них гаражи есть, в которых они номера на двигателе и кузове перебивают, но где, он не говорил.

– Ну, и где этого Макса теперь искать?

– Его сейчас в городе нет, но скоро появится – это точно.

Их команда уже два раза сюда наезжала. Где-то на Стачек они хату снимают. Как появятся здесь, вы его вызовите и поговорите.

– Превосходно! Так он и прибежал, да ещё с рассказом о каких-то крутых ребятах. Нет, Юра, так не пойдёт. Мы же договорились – конкретную информацию. А то какой-то Макс знает каких-то бойцов, которые неизвестно где убивают водителей. И после этого ты просишь о помощи. Ты у этого Макса-то не поинтересовался, откуда он их знает? Может, он сам водителей мочит, а?

– Нет, он колпаки крутит. А откуда он ребят знает, я точно не могу сказать, но думаю, что это с адресом связано, где они жили.

– Почему?

– Он заикнулся, что разговор дома был, когда выпивали. А он дома только там мог быть, где снимал.

– На Стачек, говоришь? А про хозяина хаты, естественно, не рассказывал?

– Нет, не помню.

– И что, это всё?

Васильев опустил голову.

– Слушай, давай начистоту. Ты это всё не сочинил?

– Нет, нет, что вы! Вы про них кого угодно на Ветеранов спросите. Они скоро приехать должны.

– Ладно, Юра. С руководством я поговорю, чтобы тебя перевели, но не знаю, будет ли толк. Если сразу себя правильно

не поставил – всё, труба. В тюрьмах такие телефоны – лучше «Панасоника» будут. Ты ещё до камеры не дойдёшь, а там всё про тебя знать будут – кто такой и что из себя представляет. Письмо матери напишешь? Я передам.

– Не буду. Сука, ни одной передачи нет, всё пропивает. Что я ей напишу?

– Как хочешь. В таком случае пока. Ни пуха тебе.

– До свиданья. Не забудьте попросить насчёт камеры.

Когда Васильева увели, Кивинов заглянул в оперчасть.

– Мужики, Васильева можно пересадить? Говорит, обижают шибко.

– Ты что? Камеры и так переполнены, по двенадцать человек сидит, спят по очереди. Тут не до переводов. А Васильев у нас находится в 37-й, если я не ошибаюсь... Точно. Так это самая спокойная, пускай спасибо скажет, что в другую не попал.

Кивинов вышел. «Неудобно с Васильевым получилось. Всё-таки жаль его, хоть ничего толкового он и не рассказал».

Глава 2

Вернувшись в отделение, Кивинов зашёл к Соловцу. У того сидел молодой парень южной национальности.

– Привет, Андрей Васильевич. Познакомься – наш новый сотрудник – Каразия Эдуард Александрович.

– Можно просто Эдик, – произнёс парень, протягивая руку.

– Откуда? – поинтересовался Кивинов.

– Из Гагр, но в Питере уже пять лет, институт здесь закончил, потом на посту в Выборгском стоял.

– Он пока у Дукалеса в кабинете посидит, потом место найдём.

– Наше отделение становится интернациональным – есть латыш, украинец, теперь вот абхазец. Менты всех стран – объединяйтесь.

– Что в тюрьме? Толковое есть?

– А, – махнул рукой Кивинов, – сказок понарасказывал и ничего конкретного. Только время зря потерял.

– Бывает. Зайди в дежурку, материалы получи, вчера насыпались.

Кивинов вышел и направился к дежурному. Жара на улице сказывалась на атмосфере в помещении. Дежурный, расстегнув рубашку, сидел за пультом и обмахивался газетой. Сапоги стояли рядом, наверно, в качестве освежителя воз-

духа.

Помдеж курил у окна, пуская дым колечками. Сейчас было самое спокойное время суток, когда дежурная часть могла немного расслабиться. Обычно в это время из-за дверей дежурки доносилось постукивание игральных костей или удары фишек домино, но сегодня, вероятно, из-за жары никто не играл. Мозги плавилась. Но через два часа всё изменится. Помещение наполнится гомоном доставленных постовыми пьяниц, БОМЖей и хулиганов, стенаниями потерпевших, плачем потерявшихся детей и прочими, ни с чем не сравнимыми звуками, возникающими только в милицейских дежурных частях. В такое время Кивинову нравилось бывать здесь по двум причинам: и с чисто профессиональной точки зрения в общем шуме ухо оперативника могло уловить информацию, не слышимую другими – и из любопытства посмотреть на праздник человеческих страстей.

Порой тут в течение получаса разыгрывались и комедии, и драмы, созданные невидимым режиссёром, возникали курьёзные и нелепые комбинации, проявлялись и самые низкие пороки людей, и подлинное благородство. Ситуация менялась иногда в течение какой-то минуты, но никогда не выходила за рамки, удерживаемая крепкими руками дежурного. Поэтому эта фигура была уважаема в отделении и по авторитету занимала, пожалуй, второе место после начальника.

Конечно, если дежурный сам по себе был фигурой, а не

тонушим в океане моряком, хватающимся в панике за всё что угодно, лишь бы удержаться на плаву, Кивинов зашёл в помещение дежурки. Над камерой висело световое табло, принесённое кем-то со станции метро и возвещающее, что «Посадки нет». Вот только после буквы «О» краской была вписана ещё одна буква «Д», в результате чего получилось «Подсадки нет». Когда в камере кто-то сидел, табло загоралось.

Также на стекле «аквариума» была выведена приятная глазу фраза «Кабинет психологической разгрузки», а внутри, на специальной полочке, лежала церковная и юридическая литература. Главное забота о человеке. Обидно только было, что человеки, попадавшие в «аквариум», этого не понимали, и поэтому юридическая литература вся шла на самокрутки, а церковная – на туалетную бумагу.

Взяв книгу происшествий, Кивинов пробежал глазами страницу. Так, что тут мне – угон, кража велосипеда, кража доверием золота, потеряшка и мошенничество. В общем, терпимо, думал, будет хуже. Если считать всё остальное, всего четырнадцать материалов.

– А потеряшка почему мне? Ими же участковые занимаются.

– Твой участковый в отпуске с сегодняшнего числа, поэтому тебе отписали.

– А чего заявительницу не опросили? Голое заявление и всё. Кто заявку принимал? Лушук? Он же теперь только через

три дня придёт. Ладно, пойду разбираться.

Вернувшись к себе, он разложил материалы, минут двадцать полистал их, затем набрал номер телефона.

– Анна Петровна? День добрый. Кивинов из уголовного розыска. Супруг не появлялся? Да, что-то он задерживается, У меня просьба – вы не могли бы подойти сюда, поподробнее всё надо выяснить да и записать кое-что, хорошо? Да, да, в 85-е. Не можете? Ах, звонка от мужа ждёте, понимаю. Тогда я сам зайду, если не возражаете. Через полчасаика где-то. Не прощаюсь.

Кивинов положил трубку, затем снова набрал номер и вызвал некоторых людей по материалам. Спустя десять минут он вышел из отделения.

– Проходите, пожалуйста, молодой человек. Чай будете?

– Нет, спасибо.

– Простите, вас по имени-отчеству?...

– Андрей Васильевич. Давайте на кухне, чтоб не топтать.

– Ничего, ничего, проходите в комнату.

Кивинов зашёл в комнату и сел в кресло, положив папку с бумагами на колени.

– Слушаю вас.

– Как бы вам объяснить. Вы не обращайте внимания, я волнуюсь. Мы с Серёжей двадцать лет прожили, всё хорошо было. Мне дежурный сказал – подождите, может, к другой женщине уехал или ещё куда-нибудь, мол, сбежал от вас. Так это всё ерунда. Я у него одна была, да сын ещё. Никуда он

не мог сбежать, никуда.

Анна Петровна заплакала.

– Успокойтесь, он вернётся. Расскажите, когда он ушёл, куда – всё поподробнее.

– Два дня назад он за машиной пошёл. У нас машина, «девятка» новая, пять лет копили. Что-то там сломалось, и он её в мастерскую недели две назад отогнал, знаете, в ту, что на Стачек, у Кировского завода. Вот туда и поехал. Часа в четыре. Домой не вернулся. Я вечером в милицию позвонила, но мне сказали, что если в течение трёх дней не придёт, вот тогда и обращайтесь, а пока больницы обзванивайте. Но вчера я всё-таки оставила заявление. У него же документы были с собой, если б в больницу попал, наверное, уже б сообщили.

– Не всегда, он же не президент, а обычный гражданин. Вы в мастерскую звонили?

– Даже ездила туда. Механик сказал, что машину он получил, расписался и уехал. Деньги он вперёд внёс.

– На работе нет? У друзей?

– Нигде. Я всех обзвонила. Вы извините, у меня не прибрано, я места себе не нахожу.

– Ничего страшного. А кстати, где он работал?

– На «Темпе», объединение такое, знаете? На Садовой. Начальником отдела.

Анна Петровна убрала платок от лица. Глаза припухли, под ними тёмные круги: сразу видно, не спала эти ночи. В

молодости она, вероятно, была красивой девушкой, и даже сейчас, во время разговора, несмотря на всё своё горе, она то и дело украдкой поглядывала в зеркало напротив и поправляла волосы.

– Скажите, он на машине халтурил, ну, я имею в виду, попутчиков брал?

– Нет, что вы! Серёжа осторожный очень был. Он хоть и на высокой должности, а по характеру мягкий, я бы даже сказала, трусливый. Он мне сам всё время говорил, что сейчас в стране такое творится – убить запросто могут. Ну, знакомых, конечно, подвозил, бесплатно, разумеется. Может, всё-таки в аварию попал? Он же неопытный водитель. Как вы думаете, Андрей Васильевич? Или всё из-за машины?

Зазвонил телефон. Анна Петровна встрепенулась, бросила платок на пол и побежала в коридор.

Кивинов оглядел комнату. Ничего особенного, как у всех. Семья жила на трудовые. На стенах фотографии. Портрет мужчины, и рамка, как штурвал от самолёта, сделана. Лётчик, наверное. Коврик на полу. Страшно. Ведь он уже не придёт, чудес не бывает. Как она держится? Может, ещё не догадывается? А ведь где-то здесь появилась смерть. Она смотрит из-за занавесок, с экрана телевизора и с портретов на стенах. Она выползает из углов и улыбается, протягивая костлявые руки к ещё живым. Потому что она знает, Серёжа не вернётся, как бы всем этого ни хотелось. Это она садится попутчиком в машину и затягивает узлы на шее водителя,

это она летает над огромным городом, собирая дань. Смерть входит в тела убийц и их руками творит зло.

Кивинов выглянул из окна. Июньское солнце пекло, но в комнате даже при открытых шторах было темно. Он поёжился. Вошла Анна Петровна.

– Сын звонил. Он в ГАИ был, там у него знакомые попросил, чтобы машину в розыск объявили.

– Там не объявят. Не хотелось бы вас огорчать, но здесь могут появиться некоторые проблемы. Если бы машину угнали, розыск начался бы немедленно, а так вроде пока и неясно, что там с ней. Но вы не волнуйтесь, у меня в картотеке знакомый один есть, я туда позвоню, скажу, чтоб на учёт поставили. У вашего мужа враги были или заморочки какие-нибудь?

– Нет, вроде бы ничего не было, по крайней мере, я не знала. Он спокойный был, знаете, есть такой тип людей – увальни.

– А машину он как покупал? В магазине? Или с рук?

– Нет. К ним на производство пришло несколько автомобилей. Часть денег объединение заплатило, поэтому не так дорого вышло. Цены-то сейчас какие бешеные на машины.

– Желающих много было, наверное?

– Серёжа говорил, что очень многие хотели, но машин всего пять штук было.

– Значит, были и недовольные распределением?

– Не знаю. Сергей сказал, что ему со жребием повезло, а

так особо недовольных, кажется, не было.

– Простите, а это кто в штурвале?

– Это отец Серёжи. Он погиб на учениях в 73-м. В Крыму служил, в эскадрильи, летал на грузовом самолёте. В полку его не очень любили, он, в отличие от Серёжи, очень строг был, солдат гонял. А однажды на десантирование с новобранцами полетел. На взлёте какой-то болт отвинтился и подкрылок зашкалило, самолёт винтом вниз пошёл. Отец-то Серёжин не растерялся и штурвал руками зажал, чтобы самолёт подольше в воздухе удержать. Там уж никакой автопилот не помог бы. Вот так он и держал, пока пацаны не выпрыгнули. Сам не успел. У нас ещё один штурвал такой есть. Не настоящий, самодельный. Его Серёжа на машину поставил, вместо руля, в память об отце.

– Так неудобно же, он ведь не круглый.

– Он обод сделал. Серёжа умелец у меня. Красиво вышло. Но, Андрей Васильевич, что же делать? Ведь что-то делать-то надо, он же не мог бесследно...

Анна Петровна опять заплакала. Кивинов записывал объяснение. «Если бы я знал, что делать. В городе пять миллионов, а тут никаких зацепок. Мало ли где можно попутчика взять. Жизнь сейчас ничего не стоит. Машина дороже. Ради новой „девятки“ можно и рискнуть. И с трупом проблем нет – вывез в лес и зарыл. Вечный „глухарёк“.

Кивинов записал приметы машины, приободрил Анну Петровну, сказав дежурное «Будем искать», и вышел из

квартиры. Вспомнился утренний визит в тюрьму.

Рыжий Макс, пропавшие водители. Совпадения, не больше, если совсем не туфта.

А чем жене помочь, я не знаю.

Опера в отделении вообще не занимались розыском пропавших без вести.

Участковый опрашивал всех возможных свидетелей, а затем, если пропавший не находился, отправлял материал в РУВД, в специальную розыскную группу, которая уже вплотную искала «потеряшку».

В редких случаях возбуждалась 103-я, и вот тогда к делу подключались опера с отделения и Главк. Кивинов оформлял материал только потому, что не было участкового.

«Завтра опрошу народ в мастерской и на работе и материал в РУВД отправлю. Мне велосипед искать надо.»

Глава 3

Асфальт нагрелся, как плита, по трещинам медленно растекались смоляные пятна, неприятно липнущие к подошвам. Улица была пустынна. Город словно заснул, убаюканный жарким днём. Даже к вечеру жара не спадала.

Кивинов, обмахиваясь папкой, вернулся в отделение. В дежурке уже царило оживление. В дверь камеры кто-то барабанил, настойчиво требуя прокурора, а в аквариуме сидело двое пьянчужек, через минуту целовавшихся друг с другом.

«Точно Ремарк заметил: алкоголь сближает людей гораздо быстрее, чем интеллект», – подумал Кивинов.

Постовые ввели в помещение даму лет сорока. «Опять мама Тома здесь и, естественно, под газом», улыбнулся Кивинов. Украшением дам французского двора была мушка на щеке. Постоянным украшением мамы Тома был фингал под глазом. Он никогда не исчезал с её лица, только изредка менял свой цвет, как хамелеон. Мама Тома была уникальной женщиной. Её знало всё отделение. Она имела пятерых мужей, которые все, как один, являлись особо опасными рецидивистами и постоянно садились, культурно уступая друг другу место у супружеского очага. Единственный сынок её тоже находился где-то в ГУЛАГе. Мама, папа, я – судимая семья. Правда, сама Тамара никогда не влетала в тюрьму.

– О, Андрюша, – засмеялась она, завидев Кивинова, – я

срочно хочу просить политического убежища в твоём кабинете, а то тут кругом сплошные грубияны, ты один джентльмен.

– А где ж твой супруг дражайший? Придёт за тобой или нет?

– Который? Генка или Генка? Ха-ха-ха, они у меня все хорошие – не успеваю зубы вставлять. Ну ты, ты, – ткнула она постового, – не мешай, крутится тут под ногами, не видишь, с начальником беседую.

Кивинов снова улыбнулся. Что-то было притягательное в Тамаркиной бесшабашности, потому как, несмотря на гопницкий облик, она была незлой и совсем не глупой тёткой.

– Я б с удовольствием помог, но месячный лимит на твою отмазку от штрафа, увы, уже исчерпан. Извини.

Кивинов зашёл к Дукалису забрать печатную машинку. Машинка была настоящим раритетом – «Ундервуд» 20-го года, без знаков препинания, но в приличном состоянии. Единственная во всём уголовном розыске и хранимая вследствие этого с особой любовью. Дукалис обучал Каразию премудростям оперативной работы.

– Главное на первых порах тебе усвоить следующее – работа с потерпевшими. Без этого никуда. Допустим, приходит к тебе заявитель. Не спеши хватать ручку и брать от него заяву. Это никуда не убежит. Сначала послушай. А потом применяй основное правило Анатолия Дукалеса, которое называется «Заговаривание зубов». А у Анатолия Дука-

лиса есть пять этапов заговаривания зубов. Этап первый: посочувствуй, но при этом тактично намекни, что он сам виноват. В девяти случаях из десяти в происшествии виноват сам потерпевший. Либо напьётся и его опустят, либо машину бросит без присмотра, либо дверь нормальную в квартиру не поставит, ну, и так далее.

Этап второй: пожалуйся на загруженность и нищету милиции, мол, не до вас, но всё это тоже тактично. У нас убийства каждый день, а вы со своей кражонкой. Если после этого человек не уходит, наступает третий этап. Запиши на листочек, что он там хочет, и объясни, что поможешь, но пока без заявления, потому что наличие уголовного дела сейчас нежелательно, вот когда найдём преступника, тогда и возбудим. А то нам придётся писаниной заниматься вместо поисков. После этого ты можешь показать какие-нибудь фотографии из альбома, назвать фамилии судимых из этого района, так, для вида. Этап четвёртый: отвлеку человека от его проблемы, расскажи смешную историю или анекдот, а лучше аналогичный его преступлению случай, но который произошёл с кем-нибудь другим. И напоследок, чтобы он никуда не пошёл жаловаться, объясни, что территория отделения делится на участки и что, кроме опера, обслуживающего его участок, абсолютно никто в раскрытии этого преступления не заинтересован ни в Главке, ни в Министерстве Внутренних Дел. При этом ты ничуть не покривишь душой, ибо, собственно, так оно и есть. Но всё это, конечно, относится к то-

му случаю, если заявитель принёс «глухарь», то есть явно не раскрываемое преступление.

Короче, твоя задача тактично объяснить, что он погорячился, придя в милицию. Это на первых порах трудновато будет, но когда ты этому научишься, можешь смело считать, что стал опером. А пока ты ещё птенец. – Ты сейчас научишь Эдика чему не надо. Не слушай этого оболтуса. Главное – научись справки и бумажки писать. Как Жеглов говорил – грамотная бумажка в нашем деле дорогого стоит.

– Он про спрос говорил, а не про бумажки.

– Ерунда, бумажки важнее.

– Кстати, о бумажках. У меня уже все бланки кончились и листы чистые. Ты только посмотри, на чём пишу – «Акт технического оборудования объекта». В столе нашёл, кто-то по наследству оставил. Где бумагу-то брать?

– В канцелярии возьми.

– Канцелярия сама попрошайничает. Бардак.

– Брось ты. У меня уже месяц ни одной лампочки не горит, пишу только днём, а по вечерам, если дежурю, у Соловца сижу. Так что, Эдик, привыкай к спартанским условиям. Посидишь с полгодика у Толика, пока тебе три метра не выделят. Вон в 84-м и таких условий нет. Опера, как в камере, по пять человек сидят. Ни тебе человечка вызвать, пошептаться, ни бумаг в тишине пописать. Какая в такой обстановке, к чертям, работа? Помню, Юрка Михайлов, опер ихний, мучался-мучался, а потом вытащил стол из отделения, по-

ставил в садике напротив, под яблоней, и сел там бумаги писать. Людей туда же вызывал. Начальник, конечно, к нему: мол, что, рехнулся? А Юрик, молодец: «Нет, – говорит, – пока кабинета у меня не будет, никуда не уйду, хоть увольняйте». И хрусть яблочком с дерева. Может, так бы там сидеть и остался, если б секретные бумаги писать не начал. Разложит на столе дела всякие и пишет себе. Прохожие, конечно, интересуются, что это за чудо там сидит под яблоней? А Юрик в ус не дует. Ну, а когда он стукачей туда приглашать начал, тут начальство засуетилось. Отгородили ему закуток фанерой в Ленинской комнате, он туда и переехал. Кстати, нам тоже так сделать надо. Ленинская комната пол-отделения занимает, работать негде. На фига эта комната нужна? Пару раз в году собрания провести да пол в субботник помыть? Надо будет Георгичу предложить.

Кивинов вышел из кабинета и направился к себе. Должны были подойти люди, вызванные им по материалам. Он сел в кресло и ещё раз пролистал заявления, чтобы не перепутать, кого зачем вызывал. Иногда из-за большого количества преступлений невозможно запомнить, кто есть кто, и опер беседует с вызванным по абсолютно другому вопросу, вызывая, естественно, у оппонента справедливый гнев и возмущение.

Кивинов взял из пачки верхнее заявление и решил более внимательно изучить его, чтобы вникнуть в суть проблемы.

Заявление поступило через канцелярию ГУВД, то есть заявитель обратился прямо на Литейный, а оттуда оно было

спущено в территориальное отделение с резолюцией проверить и принять меры.

Кивинов, положив перед собой заяву, начал читать:

«Начальнику всей милиции от гражданки Умновой С. А., проживающей там-то, сям-то. Заявление. Довожу до вашего сведения, что последнее время меня преследует банда насильников и извращенцев. Путём гипнотического влияния на мою ауру, они нагоняют на меня порчу и, пользуясь моим беспомощным состоянием, насилуют. За последний месяц я потеряла в весе пять килограммов. Меня постоянно мучают головные боли. Акты изнасилования происходят путём передачи энергии через Космос...»

Дальше Кивинов читать не стал. Всё ясно. Заявление его, в общем-то, не удивило. К нему и до этого обращались по поводу слежки КГБ, напускания радиации в розетки и по телефону, подкладывания инопланетянами в пищу отравы и прочего бреда. О порче, правда, ещё не было. Его удивило другое. Резолюция начальника – проверить и принять меры. Ну, раз есть резолюция, придётся проверять, просто так, в корзину, эту заяву не выкинешь.

Следующее заявление было посвящено краже магнитолы из машины. Ничего, в принципе, необыкновенного, если не считать, что потерпевший обращался в милицию уже в пятый раз и всё в течение полугода. И кстати, по поводу одной и той же магнитолы. Его фамилия уже стала нарицательной

в 85 отделении. А всё объяснялось очень просто. Товарищ застраховал машину в каком-то коммерческом агентстве, а потом только строчил заявки в милицию. Если ещё в первые разы он писал о разных магнитолах, то все последние заявления, вероятно, в силу слабой фантазии жалобщика, были посвящены одной и той же.

Самое обидное, что все всё понимали, но послать ходока подальше не могли.

Доказательств, что он сам «крутит динамо», занимается мошенничеством, – к сожалению, не было, поэтому приходилось возбуждать вечные «глухари» и молчать в тряпочку.

Одно утешение, что ущерб он наносил фирме, а не сотруднику. А фирма и сама зачастую «динамо крутит». Так они друг у друга и воруют.

Кивинов кинул заявку на стол, слез со стула и подошёл к окну. Обидно, что основное время приходится тратить на такие вот заявления, а на серьёзные вещи ничего не остаётся.

Мысли его постоянно возвращались к визиту к жене Суворова. Да, он хотел помочь ей, любой человек сейчас может оказаться в подобной ситуации. Но как?

Дукалис говорил как-то, что машины ворованные в бывшие союзнические республики увозят, но попробуй, перекрой границы. Это только в кино – трубку снял, команду дал перекрыть и понеслось. А тут в лучшем случае воду в туалете перекроют. Впрочем, кино и есть кино. Если снимать про то, как есть, никто и смотреть не будет.

На следующий день Кивинов отправился в мастерскую. Сев на трамвай, он достал детектив и углубился в чтение. «Следователь прокуратуры Прохоров достал пистолет и прижился к дереву». Да, круто. Кто это написал? Ага, он бы хоть позвонил сюда, что ли. Откуда, интересно, следователь прокуратуры взял пистолет? Не иначе, как у ментов попросил напрокат или в Хозтоварах купил. А может, он у него водяной? Так что, Прохоров, плохи твои дела, прижимайся, не прижимайся к дереву. Кивинов захлопнул книгу. Не люблю, когда люди пишут о том, с чем никогда не сталкивались. Так, это здесь, кажется, прибыли.

Зайдя в помещение мастерской, он осмотрелся. Пара машин стояла на яме, в углу курило несколько человек в рабочих комбинезонах. Под потолком располагалась стеклянная кабинка с надписью на дверях – «Директор». Кивинов поднялся наверх.

Директор, мужчина лет сорока пяти, круглолицый, с большими залысинами, сидел за столом и что-то подсчитывал на калькуляторе. Подняв глаза, он посмотрел на Кивинова.

– Вы ко мне?

– К вам. Из милиции. Ненадолго. Пара минут найдётся?

– Да, да, конечно, присаживайтесь, где найдёте. Слушаю вас.

– Три дня назад гражданин Суворов Сергей Алексеевич забирал у вас свою машину. Белая «девятка». Припоминае-

те?

– А как же, сам ему и отдавал.

– Прекрасно. В котором часу это было?

– Кажется, в начале пятого. А можно спросить, что случилось?

– Он пропал без вести вместе с машиной.

– Господи, может, в аварию попал?

– Может быть, но тогда бы машина нашлась.

– Да что вы! У меня приятель как-то в «Камаз» влетел в области. Машину на пост ГАИ оттащили, а его – в больницу. Через неделю только его там родственники нашли. Никому ведь дела нет, что у тебя горе.

– Вы не заметили, он себя нормально вёл? Не волновался? Не дёргался?

– Да, вроде, нет. Машину мы хорошо сделали, да там ерунда была. Он поблагодарил, сел и уехал. Вот и всё, пожалуй.

– В разговоре случайно не упоминал, куда поедет?

– Нет, по-моему.

– Бензина много было в баке?

– Половина точно, да он ещё здесь до полного залил, из своей канистры.

– Понятно. В общем, ничего подозрительного?

– Абсолютно ничего.

– Разрешите, я объяснение оформлю. Всё-таки вы последним его видели. Фамилия как ваша и имя-отчество?

– Пожалуйста, пожалуйста. Шаахов Валерий Петрович.

– Я так понял, вы директор в мастерской?

– Да и по совместительству – бухгалтер, отдел кадров и кассир. А что делать, кручусь, как белка в колесе.

– Рэкет-то не достаёт? Я смотрю, тут у вас иномарки стоят.

– Как вам сказать? Серьёзные люди понимают – с нас пока брать нечего, всё на налоги да на зарплату рабочим уходит, а от шушеры бритоголовой никто не застрахован. На той неделе приходили трое. Борзые. Мы, говорят, тамбовцы, будешь нам отстёгивать. Прямо, так, в лоб. Раньше хоть предлог какой-нибудь сочиняли либо охрану предлагали, либо неустойку какую-нибудь требовали. А сейчас в нагляд. Я тогда карту достаю и говорю им, найдёте, где Тамбов находится – буду платить без вопросов, а нет – свободны. Они стоят, мнутя, не понимают. А я тогда и говорю: «Эх вы, недоумки. Тамбов находится в Тамбовской области». Потом взял старшего за шиворот и с лестницы вниз спустил. Они в крик: «Убьём, сожгём, в пруду утопим!» Но ничего, больше не приезжали.

– Вы всё-таки поосторожней. Слышали, наверное, что владельцев шиномонтажных мастерских убивают? Уже пять случаев в этом году.

– Что делать, – вздохнул Шаахов. – Охрану нанять я не могу, денег нет. Вообще, кошмар какой-то творится. У нас полгода назад рабочий ушёл с мастерской, а домой не вернулся. До сих пор не нашли. В тот день получка была. Страшно жить.

– Ладно, вот здесь подпишитесь и на обороте тоже. Спасибо. Я ваш телефон запишу, если что уточнить надо будет – позвоню. Всего доброго.

– Да, да, до свидания... – Валерий Петрович вновь углубился в свои расчёты.

Кивинов вышел на улицу. Скорей бы отпуск. Ещё три недели. Не дотяну.

Успеть бы все материалы списать, а то Соловец не отпустит. Выйдя к трамваю, он решил не ехать на нём, а добратся на метро до Ветеранов и оттуда прогуляться пешком в отделение.

Сразу у выхода из подземки Кивинов остановился у киоска с газетами купить чего-нибудь свеженького. До самого проспекта протянулись ряды ларьков и лавок. Целый рынок. Южные торговцы зазывали купить свои яства, причём на прилавках у них лежали не только абрикосы, помидоры и прочие теплолюбивые фрукты и овощи, но и обычная картошка, морковь, капуста. Их-то они явно из Грузии да из Армении не привозили.

Пару раз на рынке устраивались погромы нашими мафиози, многие торговцы отправлялись с тяжёлыми телесными повреждениями в больницы, но появлялись другие, и рынок продолжал торговать.

Возле одного из ларьков расположились кидалы, крутильщики колпаков с шариком. Кивинов подошёл поближе. Крутильщик, сидящий на корточках, зазывал прохожих: «Кру-

чу-верчу – запутать хочу! За острый глаз плачу, за неверный с вас получу! Хоп-хоп-хоп! Где шарик? Ну, мужик, давай, давай, не бойся, отгадай!» Три колпачка замерли на фанере. Стоявший рядом парень ткнул в один из них ногой. Колпак опрокинулся. Шарика не было. «Э-э-э, не угадал! За неудачу получу», сидящий принял от парня тысячную купюру. Парень отошёл.

«Свой, – подумал Кивинов, – очень легко деньги отдал. На фанере осталось два колпачка. Крутильщик поднялся и принялся снова уговаривать граждан угадать, где шарик. В эту секунду один из зевак, стоявших вторым эшелонном, присел и приподнял один из колпачков. Шарика там не было. Тот быстро поставил колпачок на место и поднялся. Мужчина на неподалеку впился глазами в оставшийся колпачок. Шарик там.

– Ну, кто, кто скажет, где шарик? Ваши пять – мои десять!

– Давай, – громко произнёс мужик. – Играю!

– Ваши пять – мои десять, по рукам! При вас считаю, никуда не убегаю! Раз, два, три, четыре, пять. – Крутильщик получил от мужика пять тысяч.

Мужик нагнулся и хотел приподнять колпачок с шариком. Но в это мгновение пацан, стоявший рядом, присел и первым, как бы случайно, поднял колпачок.

Из—под него выкатился шарик.

– Ты чего? – разом закричали крутильщик и мужик. – Игру сорвал, гад! Не платил, а играешь. Ничего, дядя, сейчас

переиграем, – обратился к пострадавшей стороне крутильщик. – Не повезло.

– Отдай деньги! Вы специально всё подстроили!

– Ты что, приятель? – К мужику тут же подошли двое крупных парней. – Хочешь – играй, деньги на кону, а нет – вали отсюда, пока цел.

Кивинов усмехнулся. Деньги были уже у кидалы и назад он их не отдаст.

Мужчина растерянно посмотрел на фанерку, крутильщик раскидал колпаки: «Ну, давай». Мужик, конечно, не отгадал. Кивинов не стал вмешиваться. В следующий раз будет умнее. Он огляделся. Неподалёку от играющих стоял бригадир: парень, которому кидала отстёгивал подоходный налог. Кивинов знал его. Иногда проигравшие обращались в милицию, и тогда бригадир делал «возвратку». Но в большинстве случаев никто в милицию не шёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.